

УДК 811.16271

DOI: 10.17223/19986645/63/6

Т.И. Петрова, О.П. Кормазина

КАТЕГОРИЯ АВТОРИЗАЦИИ В НЕКОДИФИЦИРОВАННЫХ СФЕРАХ РУССКОЙ РЕЧИ: К ВОПРОСУ ОБ ОНТОГЕНЕЗЕ РЕЧЕЖАНРОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Рассматриваются особенности выражения категории авторизации в текстах двух типов неcodифицированной русской речи – разговорном рассказе-воспоминании и детском игровом квазидialoge. Данная категория определяет специфику названных жанров, являясь своеобразным маркером уровня сформированности речежанровой компетенции. В статье представлено описание особенностей каждого из названных жанров в аспекте выражения категории авторизации.

Ключевые слова: авторизация, чужая речь, персуазивность, разговорная речь, детская речь, речевой жанр, речежанровая компетенция, речевой онтогенез.

Введение

Закономерным для любого высказывания, как известно, является соединение информации двух планов: объективной действительности и субъективного мира говорящего. Субъективная информация находит свое воплощение в модусе – «выражении коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом» [1. С. 44]. Одним из аспектов выражения субъективного отношения говорящего к содержанию своего высказывания является характеристика данного содержания с точки зрения оппозиции «свое – чужое», о которой М.М. Бахтин писал: «Всякое слово существует для говорящего в трех аспектах: как нейтральное и никому не принадлежащее слово языка, как чужое слово других людей, полное отзвуков чужих высказываний, и, наконец, как мое слово» [2. С. 268]. Названная оппозиция составляет основу модусной категории авторизации, исследование которой в антропоцентрическом языкознании приобретает особую актуальность. К числу малоисследованных относится проблема выражения категории авторизации в сфере живой речи, весьма разнообразной в жанровом отношении.

Объектом нашего исследования стали тексты двух типов неcodифицированной русской речи, отличающихся спорностью их статуса: являясь результатом непринужденной устной речевой деятельности, они соединяют в себе признаки как монолога, так и диалога. Это два типа текстов, различных по своей жанровой природе и отражающих разные этапы речевого онтогенеза: 1) тексты воспоминаний – одно из ярких проявлений разговорного дискурса и 2) тексты инсценированных диалогов в ситуациях одиoчной ролевой игры – наиболее яркое проявление детского персонального дискурса.

Несмотря на очевидную разнородность названных речевых феноменов, считаем возможным их сопоставление в аспекте категории авторизации, поскольку обнаруживается некоторое сходство в коммуникативно-прагматической характеристике данных феноменов, обусловленное такой их отличительной особенностью, как наличие в тексте чужой речи – «текста в тексте». Целесообразным в данном случае представляется использование подхода к описанию чужой речи в разных типах устных текстов, предложенного М.В. Китайгородской [3]. В контексте нашего исследования наиболее значимыми, определяющими сходство анализируемых жанров, являются следующие параметры: форма коммуникации, тип коммуникации, текстовые функции чужой речи. Тексты воспоминаний и детские игровые диалоги относятся к одной и той же форме коммуникации: это спонтанная устная речь, предполагающая совмещение двух коммуникативных планов – реального (с совпадением автора и говорящего) и воспроизводимого, моделируемого (с несовпадением автора и говорящего). Объединяет эти жанры и тип коммуникации: их общим свойством является отнесенность к сфере некодифицированной живой речи, что обнаруживается в специфике речевого поведения – в частности, использовании приема речевой маски, реализуемого прежде всего средствами спонтанной экспрессивной просодии, маркирующей чужую речь. Кроме того, следует отметить сходство текстовых функций, выполняемых чужой речью в обоих типах дискурсов. Обращают на себя внимание две функции, выделенные М.В. Китайгородской: интерпретационная (использование «контекста чужой речи» для наглядного представления воспроизводимой коммуникации) и конструктивная (функция «упрощения построения плана выражения, что может сопровождаться процессами семантической конденсации») [3. С. 77–78]. В условиях спонтанной речевой деятельности обе функции используемой чужой речи свойственны как тексту воспоминания, так и детскому игровому диалогу, несмотря на различие их природы.

Но функциональная нагрузка чужой речи в названных дискурсах оказывается различной. Детский игровой диалог основан исключительно на воспроизведении чужой речи, поэтому автор-ребенок скрыт за масками придуманных им персонажей (их речевые партии отражают усвоенный из окружающего социума ролевой репертуар) и лишь в единичных случаях становится говорящим. В текстах же воспоминаний наблюдается четкая дифференциация речи говорящего как непосредственного рассказчика, с одной стороны, и чужой речи в моделируемой им ситуации – с другой. Таким образом, возникают основания для детального рассмотрения особенностей выражения категории авторизации в каждом из представленных типов естественной устной речи, жанровая специфика которых обусловлена онтогенетически.

Речевой жанр, по мнению К.Ф. Седова, является «универсальной лингвофилософской категорией, исследование которой должно во многом прояснить природу дискурсивного поведения и мышления языковой личности». В процессе онтогенеза «система жанровых фреймов становится им-

манентной сознанию структурой, которая одновременно отражает представления о социальных формах взаимодействия людей и речевых нормах коммуникативного оформления этого взаимодействия»; определенное развитие при этом получает и «смысловое восприятие чужого высказывания» [4. С. 240]. Следовательно, в круг лингвистических исследований попадает и проблема выражения категории авторизации в контексте онтогенеза речежанровой компетенции.

Материалом для проведения исследования послужили два корпуса текстов живой звучащей речи: во-первых, это расшифрованные аудиозаписи неофициального диалогического общения, содержащего рассказы-воспоминания (общий объем записей, сделанных с использованием включенного и скрытого наблюдения, составляет около 20 часов; в ситуациях записи участвовало около 50 информантов); во-вторых, это полученные на основе скрытого наблюдения расшифрованные аудиозаписи детской речи в ситуациях одиночного игрового инсценирования диалогического общения¹ – такой тип речи определяем как инсценированный квазидialog [5] (записана речь 10 информантов общей продолжительностью около 15 часов). Далее будут описаны особенности выражения категории авторизации в текстах названных жанров.

Категория авторизации в контексте жанровой специфики воспоминания

Речевой жанр воспоминания имеет достаточно давнюю традицию изучения – в первую очередь в контексте диалектологических исследований [6–11], где он рассматривается как в статусе самостоятельного жанра, так и в качестве элемента комплексного речевого жанра «автобиографический рассказ» [12]. В настоящее время затрагивается проблема реализации жанра воспоминания и в наддиалектных формах языка: рассказ-воспоминание как жанровая разновидность фатических монологов [13], воспоминания в естественной письменной речи – «народные мемуары» [14, 15], устный рассказ-воспоминание, представляющий собой фольклорный текст – «меморат» [16, 17]. Однако при всем многообразии подходов к пониманию этого жанра можно выделить ряд инвариантных признаков, обеспечивающих целостность данного феномена. В контексте нашего исследования наиболее значимыми представляются следующие: психологическая обусловленность (воспоминание – всегда мнемическое переживание прошлого опыта), нарративная форма текстовой организации, характерные для данного жанра собственно языковые особенности (наличие особого метакон-

¹ В исследовании использованы записи речи детей 6–8 лет – возраста, когда основанная на инсценировании сюжетно-ролевая игра достигает наивысшего уровня развития. Это возраст активной социализации ребенка, который, во-первых, стремится следовать образцам соответствующего социальной роли речевого поведения и, во-вторых, начинает овладевать различными типами дискурса.

понента, разнообразные средства репрезентации прошлого, средства пространственной локализации воспроизводимых событий и т.п.). Обладая набором инвариантных свойств, жанр воспоминания представляет собой систему вариативных форм, реализующихся как в плане выражения (монолог или диалог), так и в плане содержания [18].

В плане содержания разнообразие жанровых форм воспоминания обусловлено таким значимым инвариантным признаком, как категория авторизации, которая выполняет функцию маркера излагаемой информации как своей, авторской, или чужой. В связи с этим в дискурсе воспоминания различаются две нарративные линии: говорящего – рассказчика, непосредственно участвующего в коммуникации, и автора – того, чьи воспоминания являются диктумной основой повествования. Названные линии могут совпадать, если автором воспоминания является сам говорящий, но могут и находиться в более сложном соотношении, если говорящий не является автором воспоминания, а лишь пересказывает чье-то повествование. Вследствие этого можно говорить о существовании двух модусных типов жанра: 1) собственные воспоминания и 2) чужие воспоминания.

В процессе реализации воспоминаний первого типа рассказчик излагает события из прошлого, свидетелем или участником которых был он сам (модусная рамка – «я это делал», «я это говорил», «я это видел»). Как правило, апелляция к собственной памяти маркируется глаголом *помнить* в форме первого лица единственного числа. Например: *А потом/ значит/ я помню/ у соседей появились новые жильцы/ какая-то женищина/ майор; Был случай/ едем с сыном/ на девятнадцатое февраля/ как это помню/ хорошо/ дровишек привезли на машине; Я помню шикарный случай/ когда Маша разбила вазу/ а наказали меня.* При этом стоит отметить, что показатели авторизации могут и отсутствовать, если говорящий не считает нужным подчеркивать свое авторство, так как оно является очевидным: *Я/ в прошлом году/ упала вообще на асфальте// Вот в принципе даже льда не было/ а я умудрилась упасть; Мы тоже ещё писали сочинение в школе/ когда выпускались// ЕГЭ не было ещё; Бегали мы в школу босиком/ обуви никакой не было.*

Второй из названных типов – чужие воспоминания – имеет модусную рамку «мне об этом рассказывали»; в подобных случаях говорящий пытается несколько отстраниться от описываемых событий, подчеркивая тот факт, что он не является их свидетелем. Имеющийся в нашем распоряжении корпус текстов позволил сделать вывод, что типичным признаком чужого воспоминания является наличие специальных маркеров авторства: *Там жили нанайцы/ но я не помню/ со слов бабушки знаю/ что там Хазара жили; Он говорит мне ещё рукой помахал/ мне мама рассказывала/ а я ничё не помню/ чё там полтора года!; Я ж сильно не знаю/ я всё токо помню по словам мамы/ бабушки/ там шо папа рассказывал/ и я токо вот это; В каком-то году тоже/ я не помню/ мама говорила/ в каком году/ была холера и т.п.* Кроме того, нередко рассказчик акцентирует внимание на том, что он и не мог быть свидетелем или участником описываемых

мых событий, так как они происходили еще до его рождения: *Он был коммунист/ он был такой/ мама говорила/ я его не видела! Он умер я ишо не родилась када; Дед Василько женился/ говорила мама/ ещё до моего рождения/ они сюда приезжали/ ишо красивая баба/ у диды Васильки и др.* Важно отметить, что в некоторых ситуациях возможно и отсутствие формально выраженных показателей «чужого» авторства – в этом случае данный модусный тип воспоминания маркируется контекстуально: например, на него указывает значительная временная удаленность описываемого события (*И в тыщу/ девятьсот уже десятом году/ переселилась Ярына сюда/ и с четырьмя сынами// Из них три сына были/ парубки/ не женаты/ и мой дедушка Иунат/ уже был женат на бабушке*).

Категория авторизации, в основе которой лежит оппозиция «свое – чужое», оказывается тесно связанной с категорией персуазивности, выражающей уверенность или неуверенность говорящего в достоверности излагаемой им информации. С этой точки зрения, собственные воспоминания обычно характеризуются высокой степенью достоверности, так как говорящий, вспоминая события своей жизни, стремится подчеркнуть истинность сказанного. Например: *Вот/ пришли/ в часов десять вечера/ я как вот сейчас вижу/ два солдата/ с ружьями/ забрали этого Ивана Игнатенко/ и всё; Тут жила шаманка/ бабка Манхалиха// Помню внешность/ платочком завязанная вот так по самые брови/ сюда вот так/ назад платочком/ вообще лицо/ щёчки опущенные/ глазки маленькие/ помню хорошо/ сгорбленная спинка и ноги абсолютным колесом// Очень хорошо помню.* В свою очередь, анализируя специфику проявления категории персуазивности в текстах чужих воспоминаний, нельзя не согласиться с Т.В. Шмелевой, отмечавшей, что «за достоверность чужой информации трудно ручаться, поэтому “чужая” всегда под некоторым сомнением» [19. С. 33]. Вследствие этого выражение неуверенности в излагаемой информации оказывается характерным признаком чужих воспоминаний. Например: *Мне/ мой папа рассказывал/ но я не знаю насколько это правда// Тётя Галя/ говорили что у неё где-то даже на плече клеймо/ что она девочкой была у кого-то рабыней/ у тех же китайцев; Де-то с конца девятнадцатого века/ ну это по рассказам конечно/ старых-престарых людей// Я через сорок лет/ почти/ токо родилась/ вот/ я могла забыть/ потому что это очень давно/ я это слыхала/ я это рассказываю своими словами.*

Еще одна особенность чужих воспоминаний – усложнение коммуникативного и событийного планов дискурса. В отличие от собственных воспоминаний, включающих в себя два временных плана – время реальной коммуникативной ситуации («я – ты – здесь – сейчас») и время описываемых событий прошлого («кто – где – когда»), в чужих воспоминаниях возникает и третий план – время предыдущей коммуникативной ситуации («я – он – там – тогда»).

Продемонстрируем сказанное на примере: *(дочь рассказывает матери о своей недавней беседе с их родственницей) Она мне опять рассказывала/ как я маленькая Аньку на танцы отпускать не хотела// Говорит/ «всё*

прыгала вокруг неё/ *“Аня/ ты куда? Аня/ ты куда?”*» – Ага// *Она любит вспоминать это.* В приведенном тексте, содержащем фрагмент чужого воспоминания, обнаруживаются три временных плана: 1) реальная коммуникативная ситуация (общение матери и дочери); 2) коммуникативная ситуация, имевшая место в недавнем прошлом (беседа дочери с родственницей: *она мне опять рассказывала*); 3) ситуация описываемого события (эпизод из детства дочери, о котором она сама не помнит: *я маленькая Аньку на танцы отпускать не хотела*).

Неотъемлемой частью текстов воспоминаний – как собственных, так и чужих – является чужая речь, т.е. «речь, не принадлежащая говорящему, а лишь воспроизведенная (пересказанная) им, а также речь самого говорящего, если она сопровождается комментарием, характеризующим говорящего как участника диалога» [20. С. 485]. Основной способ введения чужой речи в текстах воспоминаний – прямая речь, в которой авторский план существует отдельно от плана чужой речи и синтаксически с ним не связан. Главным маркером ввода чужой речи служат глагольные формы *говорит / говорю*, наиболее характерные для устной разговорной речи; при этом следует различать два типа данных глагольных форм – «говорит»-вводящее и «говорит»-вводимое. Согласно определению Н.В. Максимовой «говорит»-вводящее представляет собой «полнозначный глагол говорения со всеми лексико-грамматическими признаками», который подчеркивает принадлежность речи не автору, а герою. В свою очередь, «говорит»-вводимое «включается непосредственно в прямую речь, перебивая таким образом чужую речь словами, принадлежащими рассказчику» [21. С. 70–71]. В текстах воспоминаний обнаруживаются маркеры обоих типов.

Приведем пример: *(рассказчица вспоминает о поездке на море автомобилем) И он [машинист] говорит «ладно»/ машинист grit/ «ладно/ я вас довезу» grit/ «до Песчаного/ а там/ до “Бригантины” нужно будет чапать ещё короче там сколько-то километров»// И мы grit/ «ну хоть так».* В представленном фрагменте можно выделить как «говорит»-вводящее (*Машинист grit/ «ладно...»*; *И мы grit/ «ну хоть так»*), так и «говорит»-вводимое (*«Ладно/ я вас довезу» grit/ «до Песчаного...»*). При этом использование вводимого глагола *говорить* в форме настоящего времени, «разрывающего» прямую речь, можно рассматривать в качестве маркера самого «события рассказывания», посредством которого рассказчик постоянно «напоминает о себе» непосредственному адресату. Кроме того, данный прием служит показателем осознанного моделирования имевших место в прошлом событий: при помощи вводящих и вводимых глаголов говорящий сознательно дифференцирует себя как рассказчика в текущей коммуникативной ситуации и как одного из персонажей, участвующих в коммуникативной ситуации из прошлого.

Наши наблюдения показали, что в качестве «вводимой» глагольной формы традиционно используется глагол *говорить*, тогда как аналогом «говорит»-вводящего в текстах жанра воспоминания могут выступать и другие глаголы речемыслительной деятельности: *спрашивать, отвечать,*

писать, думать, хвалить, ругать, кричать и др. Например: *Меня моя племянница двоюродная на мой выпускной не могла найти/ я стояла/ ну среди других выпускниц/ а она ходила ей наверно годика четыре было/ и **кричала** «Оля/ Оля/ Оля»; Я купила [компьютер]/ всё/ все прям **хвалили**/ «такой у тебя красивый нетбук»; Когда/ в автобусе с острова Русского/ ко мне подходит девушка и говорит «а я вас знаю»// Я такая **думаю**/ «ну ладно/ куча мероприятий/ мало ли»; Где-то остается уже месяца три/ я такой Тёме **пишу** «блин/ Тёма/ надо что-то делать/ иначе мы не сдадим ничего».*

В качестве маркера ввода чужой речи может выступать и местоименный лексический актуализатор «такой» (см.: [22. С. 359]), сопровождающий интонационное членение высказывания и, как правило, используемый в речи современной молодежи: *Упала/ и так короче как-то страшно больно обидно/ я такая/ лежу/ и папа такой/ выбегает из машины/ и **такой**/ «Асенька/ Асенька»; И продащица **такая**/ «Ну что/ Вы выбрали что-нибудь? Вы уже час смотрите!»*

Возможны и случаи, когда основным маркером «смены ролей» оказываются просодические средства, например: *Мама за разбитую вазу стояла ругалась на меня/ меня **отчитали**/ меня наказали уже/ ребёнок подходит/ (говорит «детским» голосом) «**Мамочка/ ну это я**»/ (меняет интонацию, подражая ласковому голосу матери) «**ой/ моё солнышко/ иди**».*

Чужая речь в текстах воспоминаний также характеризуется в аспекте проявления категории персуазивности. Не вызывает сомнения тот факт, что говорящий, даже являясь автором воспоминания, не точно воспроизводит ситуацию общения, имевшую место в прошлом, а лишь определенным образом моделирует её. При этом степень приближенности «разыгрываемого» диалога к реальной ситуации непосредственно зависит от коммуникативных намерений рассказчика, его памяти и речевых способностей. В свою очередь, при пересказе чужих воспоминаний степень достоверности передачи чужой речи оказывается значительно ниже, поскольку говорящий не имеет реального представления об описываемом событии. В этом случае рассказчик «разыгрывает» определенную ситуацию из прошлого на основе своих знаний о ее участниках, самостоятельно «додумывая» те или иные детали. Приведем пример: *(рассказчица в беседе с внучкой вспоминает историю о том, как ее бабушка женила одного из своих сыновей) Это рассказывала бабушка// Ну зашли/ всё// Батько делае плыту/ хозяин/ аҕа// Ну/ значить/ а якась дивчинка забеуае/ ну лет двенадцать/ и в поболе кирпичи/ значить/ ссыпала батьку/ и снова побирла// А-а/ мы значить «ну/ значить/ у вас товар/ у нас купэць/ аҕа/ сказали шо у вас дивка е»// Батько/ бабушка потом рассказывала/ смеялась/ говорит/ батько кинув [кинул] печку/ сив [сел]/ говорит/ руки вытэр/ «уапка! Иды на суды»// Аҕа// уапка та заходэ/ вот эта дивчинка/ аҕа// «Ну/ от дывытыся/ люды добры/ ось она дивка// Ну дайтэ/ нэхай она хоть вырастэ/ она ж мálенька/ ей двенадцать/ куды я за вашеро бууая её замуж отдам!»*

Разыгранный рассказчицей диалог между ее бабушкой и отцом «невесты» в реальности мог и не быть, однако достоверной является переданная

информация в целом, достоверно воспроизведены и те особенности речи коммуникантов, которые хорошо знакомы рассказчице, но не свойственны ей в повседневной речевой деятельности. Кроме того, рассказчица сознательно подчеркивает реальность описываемой ситуации, указывая на момент передачи ей данной информации (*бабушка потом рассказывала/ смеялась*).

Таким образом, категория авторизации является инвариантным жанрообразующим признаком воспоминания, позволяющим выделить два его модусных варианта – собственные воспоминания и чужие воспоминания. Названные варианты различаются степенью достоверности излагаемой информации, а также количеством временных планов в рамках одного дискурса. Значимым элементом текстов воспоминаний оказывается чужая речь, обычно маркируемая теми или иными формальными показателями – интонационными, произносительными, лексико-грамматическими. Посредством ввода чужой речи рассказчик моделирует имевшую место в прошлом коммуникативную ситуацию, при этом сознательно отделяя ее от ситуации осуществления рассказа-воспоминания.

Категория авторизации в контексте жанровой специфики инсценированного квазидialogа

Инсценированный квазидialog является жанром исключительно детской речи. Его уникальность заключается в пересечении речи эгоцентрической («речь для себя») и социальной (инсценирование реплик полноценного диалогического общения). Вследствие того, что игровой квазидialog создается в условиях неполноценной коммуникативной ситуации (при отсутствии синхронного адресата), его отдалают от диалога и приближают к монологу следующие признаки: невозможность естественного реплицирования, отсутствие «момента подновления апперцепирующей массы», невозможность конфликтного типа речевого взаимодействия, сохранение тематического единства. Однако по языковой форме такой тип речи является диалогическим, представляя собой обмен высказываниями-репликами; в нем наблюдаются характерные для диалога межрепликовые смысловые связи, а основу его структуры – как всякого диалогического текста – составляют минимальные диалоги. Интракоммуникативной природой инсценированного квазидialogа обусловлены особенности, отличающие его как от диалога, так и от монолога: специфичен способ представления говорящего (говорящий-персонаж), специфичен адресат речи (квазиадресат-«маска»), закономерны проявления внутренней речи – эгоцентрические высказывания, а также фрагменты «бесконтрольной» речи. Продемонстрируем сказанное на примере: *Ася, 6 лет, говорит негромко, занимаясь подготовкой к игре* Так// Здесь будут коробки/ здесь коробка/ сюда надо поставить коробку/ здесь коробка и здесь коробка// *(говорит громче, произнося реплику персонажа)* Ой! Какой красивый день! Король! – *(изменяет тембр голоса, воспроизводя реплику другого персонажа)* Зрители! Зрители! Садитесь! Садитесь зрители поскорей/ поживей! Садитесь// Сиди-

тесь садитесь/ не бойтесь мадам! – (говорит «от лица мадам») Я/ сяду на потом// – (меняет голос) Ладно// – (меняет голос) А вы не падайте! Я король/ так что/ расскажу вас//

Представленный фрагмент является результатом речевой деятельности ребенка, спонтанно инсценирующего диалогическое общение персонажей придуманного им сюжета. Смена ролевых реплик обнаруживается по изменению интонационной окраски голоса, причем эгоцентрические высказывания («неролевая речь»: *Так// Здесь будут коробки/ здесь коробка/ сюда надо поставить коробку/ здесь коробка и здесь коробка*) отличаются понижением громкости звучания и нейтральной интонацией.

В отличие от жанра воспоминания, основанного на изложении реальных событий, детский квазидialog представляет собой «фикциональный текст» с ирреальной событийностью (событийность же обнаруживается в динамике эпизодов инсценируемого сюжета). По замечанию Вольфа Шмида, термин «фикциональность» характеризует специфику текста, тогда как «понятие “фиктивный” (или “вымышленный”) относится к онтологическому статусу изображаемого в фикциональном тексте» [23. С. 18]. Игровая деятельность позволяет ребенку моделировать отношения взрослых, а затем включаться в эти отношения и действовать внутри модели, что дает ему возможность прикоснуться к таким сторонам жизни, которые в реальной действительности пока остаются для него недостижимыми. Это та сфера, в которой у детей максимально активизируется творческое воображение. По словам Л. С. Выготского, «игра ребенка не есть простое воспоминание о пережитом, но творческая переработка пережитых впечатлений, комбинирование их и построение из них новой деятельности, отвечающей запросам и влечениям самого ребенка» [24. С. 63]. Тематический репертуар игровых квазидialogов отражает круг детских наблюдений за реальной действительностью и связан с различными социальными отношениями людей. Это, например, профессиональная деятельность («Строительство гаража», «Урок в школе», «Воспитание детей в детском саду», «Прием больных» и т.п.); семейно-бытовые отношения («Телефонный разговор внучки с бабушкой», «Уход за больным ребенком» и т.п.); различные отношения в свободное время («Путешествие», «Подготовка к путешествию», «Новогодний праздник», «Дачный отдых» и т.п.). Причем той или иной темой обусловлен и определенный тип инсценируемого дискурса. Такие, например, темы, как «Строительство гаража», «Новогодний праздник», «Подготовка к путешествию» и подобные, предполагающие многоголосье, развиваются ребенком в полилогах; инсценированный телефонный разговор близких, как правило, включает обсуждение семейно-бытовых тем; темы, связанные с воспитанием детей, реализуются в диалогах с асимметричным соотношением реплик (ведущей является партия «взрослого»).

Поскольку жанр инсценированного квазидialogа реализуется в ситуации интракоммуникации, специфичными оказываются как способ выражения говорящего, так и характер соотношения автора и говорящего.

Основным способом выражения говорящего в игровом квазидialoge является говорящий-персонаж. Персонажи, речевые действия которых воспроизводит ребенок, представлены как разнообразные «маски автора», существующие в плане ирреальном при наличии синхронного адресата. Иначе говоря, на основе творческого воображения ребенком в точности воспроизводится разговорный дискурс. Например: *(Дима, 7 лет, инсценирует диалог покупателя и продавца) Дайте пожалуйста/ кусочек колбасы/ и/ и яблочко// – Щас дадим// Так// – Спасибо// Вот Вам денежки// – Давайте денежки.* Таким образом, авторская речь ребенка растворяется в речи созданных им персонажей, в связи с чем инсценированный квазидialog можно рассматривать как особый способ передачи чужой речи.

Подобное явление в сфере художественных текстов Е.В. Падучевой названо «свободным косвенным дискурсом», противопоставленным традиционному нарративу. Если в традиционном нарративе «аналогом говорящего» является повествователь (автор), то в свободном косвенном дискурсе эту роль выполняет персонаж; свободный косвенный дискурс представляет собой прямое воспроизведение голоса персонажей, тогда как в традиционном повествовании все о персонажах рассказывает повествователь [25. С. 206–337]. В детском квазидialoge, возникающем при отсутствии реального слушающего, также непосредственно воспроизводятся голоса персонажей, но, в отличие от свободного косвенного дискурса, это не повествовательный текст, а разговорный дискурс, созданный и инсценированный одним автором – ребенком. При этом «событийная речевая партия» (термин И.Н. Борисовой) инсценированного диалога может прерываться и собственно речью ребенка-автора, повествователя. Например: *(Ася, 6 лет, инсценирует диалог в больнице) Черепаха/ проявите мне/ укол/ с клюквой// Черепаха! (говорит тише, с нейтральной интонацией) Они лежали/ в родильном отделении// Лечила там/ Ар.../ Арметьевна/ лечила там Арметьевна/ а прибавляла хозяйство/ Тирбетьевна// Вот поехала черепаха к Тирбетьевне// – (инсценирует реплику персонажа А.) Тирбетьевна! Дай/ нам/ два/ шприца// – (инсценирует реплику персонажа Б.) Ладно/ Жи/ Жирбетьевна// Счас// Садись и т.д.* Однако, по нашим наблюдениям, фрагменты речи ребенка-повествователя во время одиночной сюжетно-ролевой игры не являются типичными. Они отражают процесс постепенного зарождения нарративной формы речи с собственно авторской линией повествования, разграничивающей речь свою и чужую.

Типично же для игровой деятельности ребенка исполнение всех речевых партий придуманных им персонажей, в результате чего реальная неполноценная коммуникация преобразуется в полноценную ирреальную: *(Наташа, 6 лет, инсценирует диалог матери с ребенком) Надо одеться доча// – Я хочу погуля-а-ать! – Нельзя// – Почему-у-у? – Мы сейчас обеда-ать будем; (Надя, 7 лет, инсценирует диалог учительницы с детьми) Так дети/ сегодня мы рисуем// Сели все хорошо// Сережа не вертись! Что тебе/ Леночка? Возьми карандаши у меня// – А можно фломастером рисовать? – Можно// Так/ вот рисунок// и т.п.* Иногда моноинсценирование

прерывается эгоцентрическими высказываниями ребенка, которые, как правило, сопровождают его практические действия и выполняют планирующую функцию – в таком случае происходит отождествление говорящего с автором. Например: *(Надя, 6 лет, высыпает кубики, отбирая нужный материал для строительства домика) Окошки нам не надо/ дверь нам не надо.../* (инсценирует – говорит сердито) *Что там копаешься? И ты что там/ копаешься? (произносит тише) Они будут возле...;* *(Наташа, 6 лет, инсценирует диалог матери с дочкой) Мама/ я хочу гулять! – Сейчас доча// (произносит тише, с нейтральной интонацией; вероятно, сопровождая действие) Щас мы это/ вот так/ сделаем// Поправим/ всё//* (с «маминой» интонацией) *Надо одеться/ доча.* В условиях одиночной игры возможны и проявления речи неконтролируемой, часто будто лишенной смысла. Например, это бессмысленные песенки, которые служат для заполнения пауз, возникающих во время инсценирования, а могут и завершать игру: *(Надя, 6 лет, начиная играть, раскладывает игрушки; не то декламирует, не то поет) Хорошо/ что меня взяли домой// Улыбнись.../ Что ты делаешь/ когда ты в домике? Домик ни/ разломается/ голос поломается// Стулик очень хороши/ потому что так смеши/ рассмеши рассмеши рассмеши и т.д.* Речь играющего в одиночестве ребенка в условиях полной свободы от контроля позволяет, таким образом, приблизиться к трудноуловимому феномену внутренней речи, неосознанно-безадресатной.

Соотношение автора и говорящего в детской квазидialogической речи может приобретать еще одну – особую – форму, характерную именно для данного речевого жанра. Это явление, которое В.Н. Волошинов назвал «речевой интерференцией». Заключается оно в том, что высказывание «входит одновременно в два пересекающихся контекста, в две речи: в речь автора-рассказчика и в речь героя» [26. С. 134]. В нашем случае контекст реальной интракоммуникации пересекается с контекстом ирреальной коммуникации, которую ребенок инсценирует как полноценную ситуацию общения: референтное содержание речи «для себя» (как правило, обусловленной конситуацией) переносится в реплики персонажей – речь «для других». Например: в процессе игры семилетняя Ася нечаянно роняет импровизированную телефонную трубку; поиски предмета, заменяющего трубку, девочка сопровождает спонтанно возникающим диалогом между действующими в ее игре персонажами – Карлсоном и Малышом: *Ой! Моя телефонная трубка! Я сейчас прилечу// (лезет под кушетку, на которой играла, в поисках «телефонной трубки», продолжая инсценировать) – Я не знаю/ куда она делась// – Не знаешь? Поищи получше! – Я не знаю/ где// Я её не вижу// – Поищи получше// Как о стенку горохом! – Да ладно/ я её вижу// – Нашёл? – Нашёл// (в этот момент Ася выбирается из-под кушетки с найденным предметом).* В приведенном фрагменте собственно авторская – эгоцентрическая – речь ребенка преобразуется в диалог придуманных ею персонажей.

Природой инсценированного квазидialogа как «фикционального текста» обусловлена и специфика выражения категории персуазивности. Игра

предоставляет фантазии ребенка полную свободу при создании инсценируемых им коммуникативных ситуаций, поэтому он может осуществлять референцию не только в реальном мире, но и в мире вымышленном. Референты вымышленного мира – это, как правило, персонажи, не существующие в реальном мире: персонажи-животные (*Собачка, Тигренок, Львенок, тетя Хрюшка, дядюшка Бегемот*); персонажи мультфильмов и произведений художественной литературы (*Коты-аристократы, Микки-Маус, Незнайка, Карлсон*); персонажи-предметы (*Контрабасик, Шарик*); персонажи, придуманные ребенком (*Тирбетьевна, Жирбетьевна, Сусавет*). Кроме того, при моделировании ребенком ситуаций взрослой жизни обнаруживается невладение теми реалиями, которые «стоят за словом». Следствием этого становятся своеобразные пустые формы – аномальные детские высказывания с искаженным пропозициональным содержанием: фактически неточные высказывания (*Не надо/ а то ещё пожалеется мэру// – А кто такой мэр? – Он выше короля*) или высказывания с нарушением лексической сочетаемости (*инсценируется речь хореографа*) *Костя! Почему колени не держишь? Все коленочки натянуты/ для отдельной струночки; (инсценируется речь врача) Черепаха/ проявите мне.../ укол.../ с клюшкой; (инсценируется речь учителя) Ну кто же/ скажет/ в объединительном этом пространстве/ кто?* и т.п. Такая форма персуазивности отражает определяющую особенность данного жанра возрастную характеристику автора.

Таким образом, жанровая специфика инсценированного квазидialogа непосредственно связана с категорией авторизации, формы выражения которой отчетливо маркируют онтогенетически обусловленную природу этого жанра. В процессе одиночной сюжетно-ролевой игры ребенок-автор прежде всего непосредственно воспроизводит диалогическую речь придуманных им персонажей и значительно реже выступает в роли собственно повествователя, дифференцирующего в высказывании «свое» и «чужое». В ситуации интракоммуникации ребенок максимально раскован и свободен в своей речевой деятельности, что сопровождается закономерными для таких условий проявлениями эгоцентрической речи, а иногда и фрагментами речи глубинно-внутренней, представляющей собой своеобразные наброски возможных для инсценирования ситуаций.

Заключение

Категория авторизации, являясь одним из жанрообразующих признаков, определяет специфику рассказа-воспоминания и инсценированного квазидialogа, функционирующих в некодифицированной устной речи, и выступает в роли своеобразного маркера уровня сформированности рече-жанровой компетенции. Если взрослый носитель языка сознательно маркирует высказывание как собственное или чужое (что определяет, в частности, и варьирование жанра воспоминания), то проигрывание ребенком ролей различных персонажей в процессе игры является бессознательным,

представляя собой поток речи, в котором «свое» и «чужое» слиты воедино (за исключением фрагментов эгоцентрической речи ребенка).

Сознательность речевой деятельности рассказчика в процессе реализации жанра воспоминания обнаруживается и в использовании маркеров достоверности передаваемой информации: осознавая воспоминание как собственное или чужое, говорящий оценивает большую или меньшую степень его достоверности. Совершенно иное выражение категория персуазивности получает в детском игровом квазидialoge, природа которого обусловлена творческим воображением ребенка: данный речевой жанр основан на вымышленной событийности.

Таким образом, динамика становления категории авторизации в процессе онтогенеза речевых жанров проявляется в постепенном формировании способности к речевой рефлексии относительно соотношения нарративных линий говорящего и автора. От игрового квазидialoga – комплексного жанра, основанного на бессознательном растворении авторской речи ребенка в репликах созданных им персонажей, ребенок постепенно переходит к сознательной дифференциации «своего» и «чужого», что обнаруживается в дальнейшем овладении жанрами, требующими этой дифференциации. Показательно, что уже в персональном дискурсе дошкольника зарождается жанр воспоминания, предполагающий разграничение информации по типу авторизации. По нашим наблюдениям, первичными при этом оказываются именно собственные воспоминания, т.е. репродукция непосредственно пережитых автором событий (способность к репродукции в тексте воспоминаний чужого опыта характеризует более поздний этап онтогенеза). Перспективным в данном контексте представляется выявление специфики онтогенеза жанра воспоминания, отражающей процесс постепенного осознания собственного авторского начала в нарративном дискурсе.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 237–280.
3. Китайгородская М.В. Чужая речь в коммуникативном аспекте (на материале устных текстов) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 65–89.
4. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М. : Лабиринт, 2004. 320 с.
5. Петрова Т.И. Инсценированный квазидialog как особый жанр детской речи (на материале речи детей 6–8 лет) : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2000. 185 с.
6. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания: Аспекты семантики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
7. Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики : материалы Всерос. науч. конф. «Языковая ситуация в России конца XX века», Кемерово, 1–3 декабря 1997 г. Томск, 2001. С. 167–174.

8. Казакова О.А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск : Изд-во ТПУ, 2007. 200 с.
9. Мызникова Я.В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «рассказ-воспоминание» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С. 66–72.
10. Оглезнева Е.А. Тематическое своеобразие жанра «воспоминание» в русских говорах Приамурья // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск, 2005. Вып. 2. С. 62–68.
11. Лагута Н.В. О речевом жанре воспоминания (на материале русских говоров Приамурья) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск, 2005. Вып. 3. С. 86–101.
12. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 26 с.
13. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М. : Научный мир, 2005. 493 с.
14. Сухотерина Т.П. Речевой жанр «народные мемуары» в повседневной коммуникации // Язык и культура. Новосибирск. 2012. № 3. С. 38–42.
15. Сухотерина Т.П., Дмитриева Е.Ф. Графико-пространственная характеристика воспоминаний как речевого жанра // Альманах современной науки и образования. 2012. № 12-1 (67). С. 122–126.
16. Мамонова М.А., Веккесер М.В. Живая история в речевом жанре мемората // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. 2015. Т. 6, № 6. С. 58–67.
17. Голованов И.А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2 (293). Филология. Искусствоведение. Вып. 74. С. 89–92.
18. Кормазина О.П. Воспоминание как жанр разговорной речи (на материале речи дальневосточников) : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2016. 249 с.
19. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1994. 47 с.
20. Русская грамматика. Т. 2 : Синтаксис / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М. : Наука, 1980. 709 с.
21. Максимова Н.В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. М. : Изд-во РГГУ, 2005. 317 с.
22. Русская разговорная речь / Е.А. Земская (отв. ред.). М. : Наука, 1973. 484 с.
23. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
24. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте: психологический очерк. М. : Просвещение, 1991. 93 с.
25. Падучева Е.В. Семантические исследования: (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
26. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л. : Прибой, 1930. 151 с.

Authorization Category in Uncodified Spheres of Russian Speech: Discussing the Ontogenesis of the Speech Genre Competence

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 98–114. DOI: 10.17223/19986645/63/6

Tatyana I. Petrova, Olga P. Kormazina, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: petrova27@mail.ru / olga.kormazina@mail.ru

Keywords: authorization, someone else's speech, persuasion, colloquial speech, child's speech, speech genre, speech genre competence, speech ontogenesis.

The article is devoted to the category of authorization, whose research is especially relevant in the context of anthropocentric linguistics. Little-investigated there is the problem

of the expression of authorization category in live speech, which differs in the genre variety. Texts of two types of uncodified Russian speech, different by its genre and reflecting different stages of speech ontogenesis, became the object of this research: (1) texts of recollections as one of the brightest manifestations of colloquial discourse; (2) texts of staged dialogues in situations of a single role-playing game as the brightest manifestation of the child's personal discourse. These speech phenomena are dissimilar, but it is possible to compare them because of a certain communicative-pragmatic similarity. This similarity is due to the presence in the text of someone else's speech, primarily, the generality of the form and type of communication (this is spontaneous oral speech, which involves the combination of two communication plans: real and reproducible, as well as the use of the speech mask). However, the function of someone else's speech turns out to be different, which gives reason for a detailed consideration of authorization category peculiarities in each of the presented types of natural oral speech, the genre specificity of which is ontogenetic. The material for this research was the transcribed records of recollection stories in situations of informal communication (about 20 hours) and the child's speech in situations of a single role-playing game (about 15 hours). As one of the genre-forming feature, the category of authorization determines the specifics of both the colloquial recollection story and the child's game quasi-dialogue, and it is a peculiar marker of the level of formation of the speech genre competence. When an adult native speaker consciously marks a statement as one's own or someone else's, the playing of roles of various characters in a child's game is unconsciousness, it is the speech flow in which one's own and someone else's merge (except for fragments of the egocentric child's speech). The ontogenetic specificity is also found in the expression of persuasion category. An adult speaker, realizing recollection as one's own or someone else's, estimates the greater or lesser degree of its reliability. The category of persuasion gets a different expression in the child's game quasi-dialogue, whose nature is caused by the creative imagination of the child: this speech genre is based on fictional eventfulness. Thus, the dynamics of the formation of authorization category in the ontogenesis of the speech genre competence is manifested in the gradual formation of ability to a speech reflection concerning the ratio of the narrative lines of the speaker and the author. There is a gradual transition from the genre of the game quasi-dialogue, based on an unconscious dissolution of the author's speech of the child in the lines of the characters he or she created, to a conscious differentiation of "one's own" and "someone else's", which is further necessary for mastering the genres that require this differentiation.

References

1. Bally, Ch. (1955) *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General Linguistics and Questions of the French Language]. Translated from French. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.
2. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow. pp. 237–280.
3. Kitaygorodskaya, M.V. (1993) Chuzhaya rech' v kommunikativnom aspekte (na materiale ustnykh tekstov) [The other's speech in a communicative aspect (based on oral texts)]. In: Zemskaya, E.A. & Shmelev, D.N. (eds) *Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii: Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [Russian language in its functioning: Communicative-pragmatic aspect]. Moscow: Nauka. pp. 65–89.
4. Sedov, K.F. (2004) *Diskurs i lichnost': evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii* [Discourse and Personality: the evolution of communicative competence]. Moscow: Labirint.
5. Petrova, T.I. (2000) *Instsenirovanny kvazidialog kak osobyy zhanr detskoj rechi (na materiale rechi detey 6–8 let)* [Staged quasidialogue as a special genre of children's speech (based on the speech of 6–8 year-old children)]. Philology Cand. Diss. Vladivostok.
6. Demeshkina, T.A. (2000) *Teoriya dialektного vyskazyvaniya: Aspekty semantiki* [Theory of Dialect Utterance: Aspects of semantics]. Tomsk: Tomsk State University.

7. Gyngazova, L.G. (2001) [On the speech genre of memory (based on the material of the personality language)]. *Aktual'nye napravleniya funktsional'noy lingvistiki* [Topical Directions of Functional Linguistics]: Proceedings of the All-Russian Conference "Yazykovaya situatsiya v Rossii kontsa XX veka" ["The Linguistic Situation in Russia at the End of the 20th Century"]. Kemerovo. 1–3 December 1997. Tomsk: Tomsk State University. pp. 167–174. (In Russian).
8. Kazakova, O.A. (2007) *Dialektnaya yazykovaya lichnost' v zhanrovom aspekte* [Dialect linguistic personality in the genre aspect]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
9. Myznikova, Ya.V. (2014) Communicative specificities of the dialect speech genre "reminiscence story". *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 4 (28). pp. 66–72. (In Russian).
10. Oglezneva, E.A. (2005) Tematicheskoe svoeobrazie zhanra "vospominanie" v russkikh govorakh Priamur'ya [Thematic peculiarity of the "recollection" genre in Russian dialects of the Amur region]. In: Oglezneva, E.A. & Arkhipova, N.G. (eds) *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh* [Word: Folklore-dialectological almanac]. Is. 2. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 62–68.
11. Laguta, N.V. (2005) O rechevom zhanre vospominaniya (na materiale russkikh govorov Priamur'ya) [On the speech genre of recollection (based on the material of Russian dialects of the Amur region)]. In: Oglezneva, E.A. & Arkhipova, N.G. (eds) *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh* [Word: Folklore-dialectological almanac]. Is. 3. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 86–101.
12. Voloshina, S.V. (2008) *Rechevoy zhanr avtobiograficheskogo rasskaza v dialektnoy kommunikatsii* [The speech genre of autobiographical story in dialect communication]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
13. Kitaygorodskaya, M.V. & Rozanova, N.N. (2005) *Rech' moskvicey: Kommunikativno-kul'turologicheskii aspekt* [Muscovites' speech: Communicative-cultural aspect]. Moscow: Nauchnyy mir.
14. Sukhoterina, T.P. (2012) Rechevoy zhanr "narodnye memuary" v povsednevnoy kommunikatsii [The speech genre "folk memoirs" in everyday communication]. *Yazyk i kul'tura* (Novosibirsk). 3. pp. 38–42.
15. Sukhoterina, T.P. & Dmitrieva, E.F. (2012) Grafiko-prostranstvennaya kharakteristika vospominaniy kak rechevogo zhanra [Graphic and spatial characteristics of memories as a speech genre]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya – Almanac of Modern Science and Education*. 12–1 (67). pp. 122–126.
16. Mamonova, M.A. & Vekkesser, M.V. (2015) Live history in a speech genre of a memorat. *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve*. 6 (6). pp. 58–67. (In Russian).
17. Golovanov, I.A. (2013) Ustnyy rasskaz-vospominanie v sovremennoy kommunikatsii kak fol'klorny tekst [Oral story-recollection in modern communication as a folklore text]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie – Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology. Study of Art*. 2 (293). pp. 89–92.
18. Kormazina, O.P. (2016) *Vospominanie kak zhanr razgovornoy rechi (na materiale rechi dal'nevostochnikov)* [Recollection as a genre of colloquial speech (based on the speech of the Far Easterners)]. Philology Cand. Diss. Vladivostok.
19. Shmeleva, T.V. (1994) *Semanticheskii sintaksis: Tekst lektsiy iz kursa "Sovremennyy russkiy yazyk"* [Semantic Syntax: Lectures of the "Modern Russian Language" course]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
20. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
21. Maksimova, N.V. (2005) "Chuzhaya rech'" kak kommunikativnaya strategiya ["Alien speech" as a communicative strategy]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
22. Zemskaya, E.A. (ed.) (1973) *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian colloquial speech]. Moscow: Nauka.

23. Schmid, W. (2003) *Narratologiya* [Narratology]. Translated from English. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

24. Vygotskiy, L.S. (1991) *Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste: psikhologicheskiy ocherk* [Imagination and Creativity in Childhood: a psychological essay]. Moscow: Prosveshchenie.

25. Paducheva, E.V. (1996) *Semanticheskie issledovaniya: (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Semantic research: (Semantics of time and type in Russian; Semantics of narrative)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

26. Voloshinov, V.N. (1930) *Marksizm i filosofiya yazyka: Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke* [Marxism and the Philosophy of Language: The main problems of the sociological method in the science of language]. Leningrad: Priboy.